

Догоняя соседа

Томас Леонард

ROBERT H. FRANK.
*Falling Behind: How
Rising Inequality Harms
The Middle Class.*
Berkeley, CA: University
of California Press, 2007.
148 p¹.

Constitutional Political Economy.
2008. Vol. 19. No. 2. P. 158–164.
Сокращенный перевод
с английского Николая
Эдельмана

¹ Роберт Франк. Отставая от соседа: каким образом рост неравенства снижает благосостояние среднего класса.

Новая книга Роберта Франка гарантированно доставит удовольствие при чтении. Многочисленные книги Франка битком набиты интересными идеями, нередко добытыми в таких дисциплинах, о которых экономисты никогда и не вспоминают, не говоря уже о том, чтобы их изучать. Кроме того, Франк пишет живо, изящно и с юмором. Хитроумные экономические идеи он излагает простым языком — редкое искусство, однако вполне ожидаемое от автора, который относится к экономике достаточно серьезно для того, чтобы призывать к пересмотру ее канонических методов обучения.

В «Отставая от соседа» Франк выносит на суд читателей изящный вариант старой идеи, снова получающей хождение среди экономистов. Идея эта такая: *получая то, чего хотим, мы действуем себе во вред*. В течение почти всего XX века экономисты считали такое предположение чем-то средним между безумием и чепухой: в конце концов экономика, как правило, отождествляет благосостояние с возможностью исполнения желаний. Почему потребители удовлетворяют свои потребности? Потому что от этого их жизнь становится лучше.

Конечно, экономисты, по традиции отождествлявшие удовлетворение потребностей с социальным благом, не раз попадали под огонь критики. Например, философы указывали, что когда наши потребности неприличны, их удовлетворение не обязательно изменяет жизнь к лучшему. Такие психологи, как Гилберт, отмечали, что люди систематически терпят неудачу в попытке точно предсказать будущие потребности, т. е. нам нечем похвастаться в смысле предсказания того, чего мы будем хотеть. Сен прославился, продемонстрировав, что когда наши желания зависят от действий других людей, удовлетворение этих желаний одновременно ограничивает нашу свободу. Нынешняя поведенческая экономика, отталкиваясь от трудов Томаса Шеллинга, предполагает, что наши желания обусловлены конкретным моментом, т. е. мы можем быть непоследовательными в своих предпочтениях. А бихевиористы говорят, что когда мы страдаем от смены предпочтений, правительство может улучшить наше благосостояние, патерналистски защищая наше решительное будущее «я» от интра-персональных экстерналий, создаваемых опрометчивым, близоруким выбором, который делает наше нынешнее «я».

Великая идея Франка уходит своими корнями в каждую из этих трех критических традиций. Заключается она в следующем: потребление некоторых благ, которые Хирш называл статусными благами (positional goods), ведет к гонке

расходов, которая ухудшает благосостояние всех потребителей статусных благ. Иными словами, когда наши желания зависят от того, чем обладают другие, возникает потребительская экстерналиа, и получение того, чего мы хотим, не приводит к желаемому эффекту. Согласно автору, потребление статусных благ создает дефекты рынка, которые правительство может и должно ликвидировать с помощью прогрессивного налога на потребление.

В качестве иллюстрации читателю предлагается представить себе два мира: мир А, в котором вы живете в доме площадью 4 тыс. квадратных футов, а все остальные живут в домах площадью 6 тыс. квадратных футов, и мир Б, в котором вы живете в доме площадью 3 тыс. квадратных футов, а все остальные живут в домах площадью 2 тыс. квадратных футов. В мире А дома на 33% крупнее, но согласно опросам большинство людей предпочитает мир Б. Почему? Потому что жилище — это *статусное благо*: мы получаем большее удовлетворение от более крупного дома не только из-за того, что более крупный дом лучше как в абсолютном, так и в относительном смысле. То есть мы получаем дополнительное удовлетворение из-за того, что у нас дом крупнее, чем у наших соседей Джонсов.

Проблема в том, что Джонсы ничем от нас не отличаются, и когда они начинают упорнее трудиться, чтобы заработать на более крупный дом, то наше относительное удовлетворение пропадает. Теперь мы просто-напросто идем с ними наравне. Здесь самым важным оказывается неэффективность нашего поведения, потому что абсолютного удовлетворения, получаемого от приобретения более крупного дома, самого по себе недостаточно, чтобы оправдать долгие рабочие часы, оплата за которые пойдет на покупку крупного дома. Результат: и нам, и Джонсам жилось бы лучше, если бы мы предпочли меньше работать и жить в небольших домах.

Почему же тогда мы с Джонсами никак не согласимся жить в небольших домах, тем самым осознавая большее удовлетворение, полученное от дополнительных часов, которые можно потратить на общение и отдых, согласно опросам делающие нас счастливыми, и не откажемся от расходов в виде лишних часов, истраченных на работу и на транспорт, которые, согласно опросам, делают нас несчастливими? Ответ в том, что это игра со многими участниками: даже если нам с Джонсами удастся договориться о прекращении огня, живущие дальше по улице Смиты, которым наше соглашение до лампочки, все равно примутся наращивать размеры своего жилища.

И как только это случится, наши мозги, унаследованные от восточноафриканской обезьяны, перестанут получать удовлетворение от нашего нынешнего дома. Вопреки лучшим намерениям и в нарушение прежнего соглашения с Джонсами наши конечности заставят нас снова вскочить в гедонистическое беличье колесо и позабыть о том, что действительно делает нас счастливыми в бессмысленной попытке угнаться за Смитами. Едва Смиты расширят жилплощадь, указывает Франк, естественный отбор вызывает у нас чувство относительной депривации. И более того, зуд относительной депривации тем сильнее, чем больше жилплощади прирастят себе Смиты.

ЖАЖДА СТАТУСА ЗАЛОЖЕНА В НАШИХ ГЕНАХ

Дело не в том, говорит Франк, что мы завидуем сильным мира сего, владеющим большими домами, быстрыми машинами и с размахом закатывающими барбекю; скорее, дело в том, что мы бессознательно подстраиваем под них свои нормы потребления, вследствие чего ощущаем «относительную депривацию». Проведите какое-то время в процветающей округе (семья, офис, школа, собрание прихожан и т. д.), и вы тоже, пусть бессознательно, измените свои нормы потребления (в сторону увеличения). Даже если вы не завидуете размерам дома Смитов, все равно большой дом станет восприниматься вами как норма. Проведите какое-то время в «Корпусе мира», и вы подстроите свои нормы потребления в сторону снижения. Следовательно, мы не столько завидуем Смитам, сколько подражаем им. Другой Смит, Адам Смит, также подчеркивал роль подражания богачам, когда объяснял, почему нам хочется «улучшать жизненные условия».

Понятно, почему Франк предпочитает говорить о контексте, а не о зависти: прогрессивный налог на потребление, призванный утихомирить зависть, кажется куда менее обоснованным, чем прогрессивный налог на потребление, призванный исцелить пагубные последствия вредоносного потребления. Слово «зависть» намекает на то, что источник внешнего вреда скрывается в личности, ощущающей относительную депривацию, в то время как термин «контекст» находит источник внешнего вреда в демонстративных потребителях, которые «порождают» ощущение относительной депривации у других. Демонстративно потребляющие Смиты подобны загрязнителям окружающей среды, а мы с Джонсами становимся жертвами этого загрязнения. Когда речь заходит о «зависти», в центре внимания оказывается завистник, и можно ответить: «Ты ощущаешь депривацию, но это только ощущение. Надо его преодолевать». Напротив, когда речь идет о «контексте», в центре внимания оказываются те, кто этот контекст создает, и ответ дается такой: «Мы не желаем, чтобы ваши громадные особняки портили нашу мирную округу».

Однако оба ответа ошибочны. Внешние издержки формируются *совместно*. Для того чтобы начать гонку расходов, требуются двое участников. Эффективный политический ответ состоит в том, чтобы найти наименее затратное решение в ущерб относительной депривации. Такое решение состоит в том, чтобы обложить налогом Смитов, но оно может заключаться и в изменении *наших* предпочтений. Критическая традиция, к которой принадлежит Франк, славится тем, что объявляет индивидуальные предпочтения эндогенными, зависящими от социальных факторов. С этой точки зрения люди могут отучиться от стремления желать того, чего нет у других. Но, невзирая на эту критическую традицию, в «Отставая от соседа» говорится совсем другое. Франк утверждает, что жажда статуса заложена в наших генах.

Предположим, что жажда статуса носит врожденный характер. Достаточно ли одной лишь врожденной жажды статуса для того, чтобы дать объяснение статусным благам? Нет. Во-первых, она не может сказать нам, *какие именно* блага будут статусными. И действительно, хотя Франк

**КОГДА НАШИ ЖЕЛАНИЯ
ЗАВИСЯТ ОТ ТОГО, ЧЕМ
ОБЛАДАЮТ ДРУГИЕ, ВОЗНИ-
КАЕТ ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ
ЭКСТЕРНАЛИА, И ПОЛУЧЕ-
НИЕ ТОГО, ЧЕГО МЫ ХОТИМ,
НЕ ПРИВОДИТ К ЖЕЛАЕ-
МОМУ ЭФФЕКТУ**

ссылается на такие параметры, как «заметность», он почти ничего не говорит о том, что же делает благо статусным. Во-вторых, в той степени, в какой жажда статуса действительно приводит к потреблению статусных благ, она не обязательно приводит к излишней расточительности.

В наши дни, сообщает Франк, досуг не является статусным благом: в то время как участники современных опросов испытывают чувство депривации из-за относительно малого жилища, они не испытывают чувство депривации из-за относительно короткого отпуска. Однако в дни Торстейна Веблена досуг являлся безусловным ста-

тусным благом. Сто лет назад богач объявлял о своем статусе демонстративным бездельем. Сейчас вебленовский «класс бездельников» по большей части отжил свой век. Фактически богатые американцы сегодня работают больше, чем бедные.

Кроме того существуют и менее затратные способы демонстрации своего статуса. Представим, например, особенно озабоченного экологией богача, который предпочитает ездить на бюджетном «Приусе» вместо дорогого «Хаммера», развешивает постиранную одежду на веревке, вместо того чтобы воспользоваться сушилкой и внести свой вклад в глобальное потепление, и живет в небольшом «умном» доме, насмехаясь над вульгарными роскошными особняками. Некоторые новоанглийские общины состоятельных людей не в первом поколении демонстрируют свой статус похожим способом: они носят дешевые часы и старую одежду и ездят на развалюхах. Блеск бриллиантов, модная одежда и дорогие машины в их глазах являются признаком выскочки. В подобных общинах «снобов наоборот» статус по-прежнему играет большое значение, а для его демонстрации по-прежнему используется демонстративное потребление. Но поскольку статусные блага в данном случае не являются более крупными или более дорогими, демонстрация большей «добродетельности» обычно требует, чтобы они свидетельствовали о сдержанности в потреблении. В режиме «снобизма наоборот» статус требует снижения, а не увеличения расходов.

КОГДА СЛЕДУЕТ ОТВЕРГАТЬ ПРЕДПОЧТЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ЧУЖИМ ВЫБОРОМ?

Представим себе сообщество людей, чувствующих себя оскорбленными книгой «Отставай от соседа». Допустим, это сообщество потерпело моральный ущерб на сумму в 20 тыс. долларов, полагая, что Боб Франк призывает к эвтаназии класса рантье. Среди нас есть те, у которых «Отставание» вызывает иные чувства, но прочтение этой книги они оценивают в 10 тыс. долларов (увы, мы всего лишь средний класс). Совместным решением могло бы быть соглашение, согласно которому оскорбленные платят всем остальным за то, чтобы те не читали «Отставание». Сойдясь на сумму в пределах от 10 до 20 тыс. долларов, все окажутся в выигрыше. Разумеется, транзакционные издержки вполне могут помешать заключению сделки такого рода, и в этом случае патерналистское правительство паретовского типа может вмешаться и предложить следующее по степени приемлемости решение: запретить книгу.

Сторонники паретовского подхода предпочитают добровольное решение — запрет книги со всеобщего согласия — навязанному решению: запрету книги правительством, поскольку первый вариант является парето-улучшением, а второй — лишь потенциальным парето-улучшением. Но с точки зрения паретианцев любой исход лучше той неэффективности, которая вызвана публикацией «Отставания».

Отсюда на первый взгляд следуют две вещи. Во-первых, такие паретианцы, как Боб Франк, должны быть заинтересованы в создании ассоциаций домовладельцев, которые представляют собой неожиданно массовый пример попыток домохозяев ограничить своих соседей в праве распоряжаться своими домами. Хотите получить

гарантию, что Смиты не построят такую большую или вульгарную пристройку, которая бы нарушила хрупкую экологию зависти в квартале? Поселитесь в таком квартале, где пристройки запрещены или ограничены в размерах имеющимися соглашениями. Исследователи счастья, внимание! — гипотеза Франка предполагает, что ассоциации домовладельцев, преуспевшие в наложении запретов и тем самым обуздавшие гонку расходов, по сравнению с жителями кварталов, в которых нет никаких ограничений, должны в меньшей степени ощущать относительную депривацию и не тратить так много времени на работу и на транспорт.

Во-вторых, сторонник классического либерализма, в противоположность паретианцу, укажет на наличие иных социальных целей помимо эффективности. Свобода интеллектуального самовыражения стоит того, чтобы ее защищать, даже если логика «Отставай от соседа» приводит нас к внешним издержкам, превышающим положительные стороны этой свободы. Может быть, свободу воздвигать чудовищные замки нельзя приравнять к свободе самовыражения, но тем не менее факт остается фактом: когда наши желания зависят от поступков других людей, паретианские ценности могут вступить в конфликт с либеральными ценностями.

Возможно, обуздание непомерных трат и не приведет к большому ущербу для свободы. Но как паретианец узнает о том, что ущерб для свободы оказался *слишком* велик? Ясно, что как только мы станем учитывать в социальных

расчетах предпочтения, связанные с оглядкой на чужой выбор — а хороший паретианец обязан их учитывать, — мы можем быстро прийти к результатам, которые эффективны, но неприемлемы не только для классических либералов, но и для таких либералов XXI века, как Роберт Франк. Можно привести в пример расистские предпочтения. В не столь отдаленном прошлом многие домовладельцы предпочитали, чтобы их соседи внешнею не слишком отличались от них. Застройщики учитывали эти предпочтения, отказывая в праве покупки жилья чернокожим и евреям. Власти подтверждали эти ограничения и проводили их в жизнь.

Мы не хотим сказать, что репрессивные соглашения, запрещающие селиться в квартале представителям меньшинств, и репрессивные соглашения, запрещающие устраивать у себя дома баскетбольные площадки, в равной мере плохи. Совсем нет. Однако нам кажется, что дискуссию в книге Франка следует дополнить более подробным разговором о том, когда навязанные предпочтения по праву учитываются в политических расчетах и когда их следует исключать из этих расчетов. Боб Франк, несомненно, согласится с тем, что предпочтения, связанные с внешностью наших соседей, не могут быть допустимы, даже если в «Отставая от соседа» отстает допустимость предпочтений, связанных с обликом жилищ наших соседей. Говорить, что расизм учитывать нельзя, а зависть — можно, означает, между прочим, что в какой-то момент паретианское государство должно закончить с утверждениями о том, что мы получаем то, чего хотим. Было бы полезно знать, когда наступает этот момент.

НАВЯЗАННОЕ СЧАСТЬЕ

Сто лет назад Веблен желал отменить частную собственность, дабы покончить с «постыдной формой соперничества», то есть с желанием получить больше, чем есть у твоего ближнего. Метод Боба Франка, как и прочих исследователей счастья, менее радикален: налог на потребление, крайние ставки которого далеко превысят 100%. Кроме того, Франк получает риторическое преимущество, утверждая, что неравенство (не только) несправедливо, оно еще и неэффективно. Но и Веблен, и Франк разделяют стойкую веру в способность государства насадить счастье; эта вера опирается на две вспомогательные веры: бентамизм и издавна дополняющий его патернализм.

Согласно бентамизму, социология способна научно доказать, что стремление к счастью — важнейшая цель че-

ловеческого существования. На древний вопрос «Как жить хорошо?» ответ дан — считает социология счастья. Более того, социология, утверждает бентамизм, может дать счастью определение, измерить его и сравнить счастье, испытываемое разными людьми (современным вариантом гедониметра Ф. Эджуорта выступает функциональная МРТ — Магнитно-резонансная томография). Патернализм говорит, что правительство во главе с экспертами лучше знает, как сделать людей счастливыми.

Притязания бентамизма и патернализма в наши дни столь же нескромны, какими они были всегда, с той разницей, что сейчас исследователи счастья уверены в знании верного ответа. Сама эта идея делает меня несчастливым. Давайте обложим ее налогом. ■

Людмила Блок. Яблоки. 2003. Холст, масло

РОБЕРТ ФРАНК — ПРОФЕССОР ЭКОНОМИКИ И МЕНЕДЖМЕНТА КОРНЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (США), СОЦИАЛЬНЫЙ КРИТИК И АВТОР РЯДА БЕСТСЕЛЛЕРОВ, ПОПУЛЯРИЗИРУЮЩИХ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ НАУКУ, КОЛУМНИСТ NEW YORK TIMES; ПРИЗНАННЫЙ СПЕЦИАЛИСТ В ОБЛАСТИ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

БИБЛИОГРАФИЯ

Микроэкономика и поведение. М.: ИНФРА-М, 2000.

Luxury Fever: Money and Happiness in an Era of Excess. New York: The Free Press, 1999 (Лихорадка роскоши: деньги и счастье в эпоху избытка).

The Economic Naturalist: In Search of Explanations for Everyday Enigmas. New York: Basic Books, 2007 (Экономический натуралист: в поисках объяснений загадок повседневной жизни).

КНИГИ И СТАТЬИ, УПОМЯНУТЫЕ В РЕЦЕНЗИИ

DANIEL GILBERT. *Stumbling on happiness*. New York: Alfred A. Knopf, 2006 (Дэниел Гилберт. Спотыкаясь о счастье).

AMARTYA SEN. The Impossibility of a Paretian Liberal // *Journal of Political Economy*. 1970. Vol. 78. No. 1. P. 152–157 (Амартья Сен. Невозможность паретовского либерала).

THORSTEIN VEBLÉN. *The Place of Science in Modern Civilization*. New York: B. W. Huebsch, 1919 (Торстейн Веблен. Место науки в современной цивилизации).